

Среди снегов и вод весенних

денция в осадках июня противоположна изменению в августе и июле.

Анализ межгодовой и внутригодовой изменчивости среднемесячных, сезонных и годовых сумм атмосферных осадков по метеостанции г. Лиски позволяет сделать следующие выводы.

1. За последние 50-60 лет годовая сумма атмосферных осадков имеет тенденцию к нарастанию.

2. Увеличение годовой суммы происходит за счет повышения увлажнения в осенне-зимний период.

3. Рост годовой суммы осадков отмечается на фоне отрицательного линейного тренда за период с 1925 по 2000 гг.

4. Повышение годовых осадков 1944-2000 гг. пока ещё не компенсировало резкое снижение их за период 1925-2000 гг.

5. Среднемноголетняя величина годовой суммы за период наблюдений (1925-2000 гг.) составляет 521 мм, а за 1944-2000 гг. – 511 мм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Дмитриева В.А. Изменение водных ресурсов Центрально-черноземных областей / В.А. Дмитриева // Водн. ресурсы. – 1992. – №4. – С. 137-140.

2. Клиге Р.К. Исследование годового стока рек Центрально-черноземных областей методом главных компонент / Р.К. Клиге, В.И. Швейкина, В.А. Дмитриева // Изв. АН СССР. Сер. география. – 1992. – №5. – С. 120-124.

УДК 581.543

К.В. Скуфьин

СРЕДИ СНЕГОВ И ВОД ВЕСЕННИХ

Имя профессора ВГУ Константина Васильевича Скуфьина (1908-2000) хорошо известно в кругу его коллег как крупного ученого-зоолога. Немногие знают о литературном творчестве К.В. Воспитанный на богатейших книжных собраниях елецкой гимназии, он в 1926 г. поступил на лингвистическое отделение педфака ВГУ, но вскоре увлекся лекциями по эволюционной теории, которые читал профессор СХИ Б.М. Козо-Полянский, и в следующем году перешел на естественное отделение, связав свою долгую жизнь с биологической наукой. Оставив по возрасту кафедру зоологии беспозвоночных, К.В. отдал дань своему первому увлечению – Слову. Он написал повесть “Бледный листок под ржавым камнем”, очерк жизни профессора К.К. Сент-Илера и рассказ о студенческой экспедиции 1928 г., с которой начался путь К.В. в науку. В свое время К.В. просил меня посодействовать в публикации этого рассказа: “побродив” по редакциям нескольких журналов, рассказ публикуется теперь в “Вестнике”, отдавая должное памяти К.В. Скуфьина – большого ученого и благороднейшего человека, долгие годы сотрудничавшего с коллективом факультета географии и геоэкологии.

С.А. Охремчик

Март 1928 года в Воронеже не торопился. Уже апрель на носу, а снеговой покров хотя и осел заметно, но еще не прохудился даже на южных склонах оврагов, и только в городе дорожки потемнели, а местами и пожелтели от

проявившихся следов накопленного за зиму конского навоза. Горожане не без ленцы начали разбрасывать лопатами снеговые валы вдоль тротуаров. Повсюду оживление ворон, галок, грачей и особенно многочисленных воробьев,

осаждавших кроны вязов, которые росли вдоль чугунной ограда Кадетского плаца. Мы, первокурсники естественного отделения педфака, коротали здесь на свежем утреннем воздухе время, пользуясь тем, что звонок на занятия будет слышен и тут. Сейчас будет лекция зоолога К.К. Сент-Илера. Вот и звонок. Все побежали. Нас около пятидесяти – все больше студентки, ребят, пожалуй, восемь-девять, не более.

После лекции профессор Константин Карлович попросил меня зайти в его кабинет и, усадив в стоящее около его рабочего стола кресло, сел сам, снял пенсне, протер от мела, запылившего стекла, опять надел и как-то особенно пристально, целую минуту, смотрел на меня.

– Да-вот, Костя! – сказал он наконец. – Как вы отнесетесь к тому, что я попрошу вас принять участие в небольшой экспедиции по изучению всех условий жизни животных, обитающих в Донской пойме? Я вижу – юноша вы крепкий и наукой интересуетесь по-настоящему. Думаю, что вы справитесь. Работа займет недели две. Жить и питаться за счет кафедры будете на лесном кордоне. Компаньоном вашим будет наш препаратор Вася. Вместе с ним будете вести наблюдения в пойме вот по этой программе. Возьмите ее, просмотрите дома, а завтра сообщите свое решение. Имейте в виду, что на первый день я поеду с вами и на месте покажу, как и что делать. Поняли?

Меня так и обдало радостью с головы до пят – наконец-то я буду не только изучать науку, но смогу что-то в ней сделать, и я сразу ответил согласием. Все было сказано профессором четко и ясно. Был назван день и час отправки из помещения кафедры. Я сразу пошел в отгороженную деревянной стенкой небольшую комнатку, точнее каморку, где хозяйничал Вася, добывавший для учебных занятий лягушек, раков, улиток, ракушек, дождевых червей, пиявок, а также изготавливавший чучела птиц, зверей, ящериц и даже рыб с большим при этом мастерством. Вася – смуглый коренастый парень с темными, почти черными во-

лосами, какие нередко встречаются в подворонезском селе Боровом, где он и проживал. Сызмальства привык он к лесу, к речке Усманке, был заядлым рыбаком и охотником, неплохо знавшим биологию лесных зверей и птиц. В дальнейшем выяснилось, что он уже несколько лет работал на кафедре и здорово поднаторел в добывании всего живого, что ему поручалось. Вообще же он оставался истинным крестьянским сыном, как бы с лукавинкой и себе на уме. Отнюдь не романтик, он относился к природе, как к своему подворью в Боровом, искал в ней не красоты, а чего-либо полезного себе лично. Впрочем, к порученному делу он относился добросовестно, да и местом своим дорожил. С ним я договорился о том, что взять с собой в поездку и как одеваться.

В день отъезда, первого апреля, погода с утра была пасмурной, с легким утренним туманом и температурой около нуля. Когда я пришел на кафедру, Вася под надзором профессора, одетого в походную, выдавшую виды кожаную куртку, уже кончал упаковку трех рюкзаков, нескольких ящиков и двух корзин с инструментами и припасами. Спустились все трое вниз с рюкзаками, оставили профессора у парадного подъезда, а сами стали перетаскивать ящики и корзины. Через пять-десять минут подъехали сани, а в них мужик лет шестидесяти, худощавый, с рыжевато-седой бородой и в нагольном потертom полушубке и каком-то старом малахае из собачьего меха. Профессор со свойственной ему уважительностью поздоровался за руку с мужиком, назвав его Трофимом Петровичем. Мы с Васей уложили вещи в сани, а Трофим Петрович тщательно крепко-накрепко увязал их толстой веревкой, оставив нам места, умягченные сеном. Все сели. Профессор спросил Васю, все ли уложено. Минуту-две сидели, молчали, затем двинулись по Студенческой улице мимо Кадетского плаца к Задонскому шоссе. Проехав завод им. Коминтерна, где тогда кончался город, свернули направо вниз по лесной дороге и переехали через крепкий еще лед на реке Воро-

неж, а дальше путь пошел по воронежскому левобережью мимо сел Масловка, Боево, Таврово. Про последнее село профессор сказал, что при Петре Первом там была большая верфь и строился первый в истории России флот, а село это было тогда же основано и заселено крепостными крестьянами из Московской и Рязанской губерний, а отчасти и уголовниками из тамошних тюрем.

Вскоре дорога повысилась и пошла вдоль сосновых, еще молодых насаждений; проехали маленькую деревеньку Тарабаровку, состоящую из одного ряда изб, крытых соломой, расположенных на краю спуска в пойменную долину Дона, занятую здесь широколиственным лесом. Дорога поднялась еще выше, лес отступил, и наконец развернулась широкая панорама донской поймы, принимавшей в себя близ Таврово тоже неуклюжую, километра на два, пойму реки Воронеж, белевшую еще не тронутыми теплом чистейшими снегами. Напротив, километрах в четырех, возвышался правый высокий берег Дона, увенчанный крупным селом Борщево, слитно темневшим вдали – вид величественный и покорявший своими необычными масштабами, диковинными для жителя в общем-то плоского или слабо холмистого Черноземья. Профессор остановил сани, мы все вышли, разминая затекшие ноги, и он стал объяснять, в основном мне, где и что видно. Проехали еще метров двести через сосняк, и дорога пошла резко вниз в поперечную балку, где накопившийся глубокий снег, пропитанный талой водой, заставил сделать сложный объезд по крутогорам. Мы все, кроме Трофима Петровича, вылезли и пошли следом. Сани шли в раскат, временами сильно кренились из стороны в сторону, так что стала понятной тщательная увязка нашего багажа. Поднявшись наконец наверх, увидели и сам кордон – крепкий, крытый железом дом с пятью окнами по фасаду, огороженный двором. Мы распростились с Трофимом Петровичем, жителем, как оказалось, Тарабаровки, и направились в дом, искоса посматривая на рвущуюся с цепи крупную лохматую собаку.

Лесника дома не оказалось; дома была его жена Серафима Тихоновна, как ее назвал профессор, и два белобрысых мальчугана лет пяти и семи. Хозяйка встретила нас приветливо, сразу определила, куда что положить, отвела профессору небольшую комнату с кроватью, столом и несколькими венскими стульями, специально предназначенными для гостей или лесного начальства. Мы привели себя в порядок, умыли раскрасневшиеся от четырехчасового пути лица, выпили по кружке пенистого деревенского кваса. Профессор пригласил нас с Васей в свою комнату и расстелил на столе большой план Жировского леса, как называлась эта местность, где сливается Дон с Воронежем. Пошел дотошный разговор, где и что на плане, где основные точки или станции для наблюдений, где проходить продольные (вдоль поймы) и поперечные маршруты, что наблюдать и измерять, как записывать. Тут у Серафимы Тихоновны и обед подоспел, время было около полудня. На стол были выставлены соленые капуста и огурцы, в тарелки налита уха с вареной рыбой, а на второе последовала жаренная на постном масле картошка и в заключение – превосходные моченые яблоки. Стоял великий пост; соответственно и в нашем багаже, как потом оказалось, съестные припасы, кроме сахара, конфет и халвы, ограничивались рыбными консервами, копченой каспийской сельдью да вяленой таранкой. Были, конечно, и хлеб, и связки баранок. Профессор, хоть сам и не держал поста, но считал, что за одним столом не подобает дразнить постящихся видом мясных продуктов. К удовольствию детишек на столе не замедлили появиться и наши городские гостинцы.

После обеда был объявлен выход на экскурсию. В первую очередь достали из багажа резиновые сапоги, довольно громоздкие и очень тяжелые. Отправились налегке, взяв с собой только блокноты и карандаши, а у профессора на груди висел полевой бинокль. Мне еще была вручена на вид старинная подзорная труба, как потом оказалось, высокого качества. Спустились вниз с откоса и повернули

влево, то есть вниз по течению Дона. Дальше дорога, мало ездимая, пошла низом вдоль береговой террасы, у подножья которой располагалась цепь пойменных озер продолговатой формы, соединенных друг с другом общей протокой, обозначенной высокими желтовато-бурыми зарослями тростника и рогоза. Озера были разными по размеру: одни с полкилометра длиной, другие метров с сотню, не больше, одни сильно заросшие по берегам лесом, видимо, летом тенистые, другие – более открытые. Всю эту цепь профессор назвал Кременчугским ожерельем по названию центрального, наиболее затененного озера изумительной красоты с кристально прозрачной, по уверению профессора, и холодной из-за многочисленных ключей водой. Все озера этой цепи проточные. Прошли всю эту цепь, и далее в добром километре от нас развернулось обширное пойменное озеро Погоново – продолговатой формы, километра на полтора длиной, все открытое, безлесное. Нам было сказано, что вода в нем летом более мелкая и мутноватая, зато более теплая и богатая рыбой, особенно линями и лещами. Там лов ведет специальная артель рыбаков. И действительно, когда я приладил к глазам подзорную трубу, то увидел на плоском берегу группу из 10-15 темных фигур, занятых растягиванием большого невода. Отсюда мы пошли назад, прошли мимо кордона, мимо широкого устья оврага, на вершине которого он стоял, и дальше вдоль склона по утопанной в снегу тропе. Было сыро, и без резиновых сапог было бы не пройти. Профессор обратил наше внимание на высокие стройные ясени, клены и дубы, стоявшие с предельной густотой. Их стволы и часть крон внизу были оплетены диким хмелем. Всюду густой подлесок и заросли кустарников, не позволявшие отойти свободно от тропы, да и снег там проваливался так, что сапог потом можно было бы не вытащить. Было тихо, только тренькали зяблики, тоненько звенели синицы, а сверху, где с лиственным лесом граничил сосняк, был замечен вспорох двух тетерок. Прошли еще километра полтора, обзор расширился, появи-

лась довольно крупная округлая поляна, так называемая Киселевская. Еще с полкилометра – и к дороге приблизился замерзший Жировский ручей, текущий к Кременчугским озерам, а затем появилась еще более обширная поляна, Жировская, как назвал ее профессор. Он заметил, что в мае обе поляны покроются цветущим ковром высоких трав, и они будут гудеть гудеть от обилия разных насекомых.

– А пока, – сказал профессор, – посмотри-те, Костя, вот на это царь-дерево.

И действительно, в стороне от дорожки, метрах в двухстах, стоял патриарх Жировского леса, огромный тополь с правильной, раскинувшейся вширь кроной. Когда мы добрались к нему по глубокому снегу, профессор предложил взяться за руки всем троим и попытаться обхватить ствол патриарха, что мы и сделали. Оказалось, что еще надо было бы прибавить и четвертого, и то останется пяди две или три.

Пройдя еще пару километров по лесу, повернули вправо и поднялись на террасу, где взору опять открылась широкая панорама, блистающая в лучах проглянувшего солнца. Профессор показал на стоявшее высоко село Таврово, а за ним виднелся Красный Яр – наиболее высокая часть правого берега Воронежа, где в давние времена стояла высокая деревянная вышка, и сторожевой пост высматривал в степных даях за рекой появление кочевников – половцев, а потом и татар, зажигая как сигнал приготовленную бочку со смолой.

Вернулись на кордон поздно; уже темнело. Все порядком устали, а я особенно, и не столько от многоверстного похода в тяжелых резиновых сапогах, сколько от обилия новых ярких впечатлений. Нас встретил вернувшийся с дальнего обхода лесник, не по должности узкоплечий, с небольшой рыжеватой бороденкой и голубоватыми глазами, в форменной потертой одежде. Он представился Леонтием (все местные произносили Левонтий). Вечером после доброго ужина пошли долгие разговоры с Леонтием, его семьей и зашедшим на огонек Трофимом Петровичем, помнится, все

Среди снегов и вод весенних

больше об особенностях прошедшей зимы, о небольшой волчьей стае, промышлявшей по овчарням Гремячьего и других сел, а прошлой ночью утащившей пару овец из Тарабаровки, о ходе подледных рыбачьих дел на Погоновом и в Кременчугах, о начале прилета уток, о пролете гусей и других подобных событиях. Только потом, много позже, я оценил умение профессора избегать щекотливых тем, так и вязнувших тогда, в конце НЭПа, на зубах всех крестьян, и особенно крепких старательных хозяев, уже чувствовавших дуновение иных, более жестких ветров эпохи. Когда разговор начинал склоняться в эту сторону, профессор сразу задавал какой-нибудь новый вопрос о природных явлениях донской поймы. В более многолюдных экспедициях, в которых мне позднее доводилось участвовать, он просто вводил в список общих правил требование не поднимать споры о политике и строго следил за этим. Я думаю, что только благодаря такой осторожности он сохранил себя на зыбком отрезке жизненного пути. Да и себя ли только?

На другой день рано утром на тех же санях приехал Трофим Петрович и забрал нашего профессора, спешившего на лекцию, а мы с Васей отправились по поперечному маршруту выполнять программу. Для этого первым делом, обернувшись спиной к пойме, прошли с километр по снегу до открытого плоского поля, где Вася воткнул заранее припасенную палку с привязанной на конце красной ленточкой. Эта вешка обозначала первую станцию. Затем измерили с помощью анемометра направление и скорость ветра, а металлическим штырем с делениями – глубину снегового покрова в нескольких местах вокруг палки. Согласно программы определили в этих же местах структуру снега, его плотность, зернистость, чистоту и характер поверхности, наличие на ней органических частиц от растений, как например, сережек ольхи или березы, хвоинок, коконов насекомых, а также мелких живых насекомых и паучков. Не забыли посмотреть на небо, но птиц пока не было. Удалось при прояснении неба и заструившемся сквозь белесую кисею

солнечном свете услышать только залиvistую песенку жаворонка, полностью скрытого в вышине.

Закончив работу на поле, которая заняла более часа, пошли по своим же следам назад, к пойме и аналогичным образом заложили вторую станцию среди соснового леса на надпойменной террасе. Вроде бы тот же снеговой покров, но удивительное дело. Когда мы стали измерять его, описывать структуру снега по программе, все оказалось иным, чем в поле, и записывать было страшно интересно. В кронах сосен отметили пение двух видов синиц и овсянок, а в вышине – стук дятла по стволу. В одном месте на снегу я набрал на кучу пустых сосновых шишек, и Вася сказал, что это кузница дятла, на которой он обрабатывает шишки, принесенные со всего участка, на котором кормится. Стволы, нагреваемые хотя и рассеянными, но несущими весеннее тепло солнечными лучами, уже успели образовать вокруг своего основания проталины в форме воронок. Мы принялись измерять диаметр и глубину пятидесяти воронок вокруг поставленной вешки. В некоторых немногих пока воронках на дне уже обнажилась земля, прикрытая хвоей. Отмечали их долю. Спустившись вниз, мы вошли в высокоствольный лиственный лес, где воткнули третью вешку, и опять-таки при внимательном измерении и описании снегового покрова и воронок все оказалось другим, отличным. Когда работа шла к концу, наше внимание привлекли шум полета и особое по своей мощи карканье, которое могло бы показаться зловещим, если бы не обилие льющегося сверху неиссякаемого полдневного света. Вскоре мы увидели, как иссинь-черный ворон хлопотал с ремонтом большого гнезда из хвороста, прилаженного у вершины дуба.

Подоспело время подкрепить свои силы, что мы и сделали, присев на толстый ствол поваленного бурей дерева; вскрыли банку с судаком в томате, добавили по две-три крупных картофелины в мундире, запили все хлебным квасом. Хорошо, что подзаправились, так как пришлось идти далеко, до середины ши-

рокого луга, равномерно покрытого снегом, где и была заложена четвертая станция, а через километр ходу и пятая – на более возвышенной полосе, так называемом гребне поймы, поросшем ивняком, и, наконец, шестая, на другом берегу Дона, на очень неудобном для работы безлесном крутом склоне под селом Гремячье.

На следующий день, который оказался пасмурным, даже снежок понемногу мел, продолжалась закладка станций продольного маршрута. Первым делом отправились к озеру Погоново, обошли его слева и попали в высокие заросли черной ольхи, где и остановились для работы. Вася обратил мое внимание на характерные заячьи следы, в которых отпечатки задних лап располагались впереди передних, заметив при этом, что следы свежие, не успели сгладиться идущим снегом. А вскоре увидели, что к этим следам присоединилась вытянутая в струнку цепочка лисьих следов. В черной густоте кустарника показалась и сама лиса. Всю эту природную графику и ее финал в кустарнике я постарался перенести в свой блокнот. Вторая вешка покраснелась у места впадения Жировского ручья в систему Кременчугских озер, а третья – на середине Киселевской поляны, где в условиях кругового охвата лесом, а отсюда затишья и задержки весеннего тепла, снеговой покров заметно осел, стал грубее, его поверхность приобрела пластинчатую, а под ней и зернистую, или фирновую структуру. Естественно, что на самой поверхности успел образоваться тонкий слой мягкого снежка, который позволил при повторном посещении этой поляны увидеть многообразные запутанные цепочки следов преимущественно ночной жизни мышей, землероек и ласок. Разобраться в следах без Васи я не сумел бы, зато старался все зафиксировать на бумаге. Четвертую вешку мы поставили вблизи тополя-патриарха, причем так, чтобы можно было наблюдать за колонией серых цапель, располагавшейся неподалеку. Они вскоре должны были прилететь. Между тем мы устали и есть захотелось, но присесть было негде; что-то жевнули на

ходу и отправились по притеррасной тропе к Таврову, где заложили последнюю, пятую станцию.

На моих от отца оставшихся карманных часах “Павел Буре” было около четырех часов, и мы решили закусить поосновательнее. Нашли сваленную ветром осину, натаскали сухого хвороста, чтобы разогреть рыбные консервы. Смотрю, мой Вася что-то мнется, потом говорит, что спички забыл, но не беда, сходит в Таврово и купит, магазин там есть. Вернулся он не скоро, хотя и разгорячился от быстрой ходьбы. Мы развели костерок, вскрыли банку. Смотрю, Вася достает из сумки кольцо узкой полукопченой колбасы, фунта на полтора. Я понял, что есть рыбное ему порядочно прискучило, и он сочинил предлог – “спички забыл”. Я несколько замаялся, можно ли есть колбасу в великий пост. Как-то неудобно перед хозяевами. Ведь запах колбасы наполнит вою избу, а съесть всю – много. На это Вася возразил, что поедем все без остатка, да и деньги на пополнение наших запасов профессор оставил. Подождав, когда костер перестал дымить, Вася ловко порезал колбасу на большие куски, нанизал на измеритель снегового покрова и поджарил их на углях; получилось что-то вроде шашлыка. Конечно, он оказался прав – ничего не осталось. Я стал тревожиться, что снегоизмеритель закоптился, но Вася его отчистил фирновым снегом так, что лучше некуда. Вроде все в порядке, но у меня где-то внутри осталась некая заноза. Ведь об этом пире мы на вечернем чае умолчим, и, следовательно, рождается хотя и маленькая, но обоими, и не из лучших.

Еще дней пять или шесть ходили мы по проложенным маршрутам, вели наблюдения и измерения в условиях однообразной пасмурной погоды. Однако весна брала свое. Ближе к полудню все заметнее пробивался рассеянный солнечный свет, снеговые воронки вокруг стволов расширялись и углублялись до обнаженной земли, на южных гремяченских склонах появились проталины с желтовато-зеленой травкой. Это потребовало от нас измерить их

площадь, собрать на них мелкую живность и уложить в пузырьки с фиксирующей жидкостью. Все трудней при переходах стало преодолевать низины, заполняемые скрытой под снегом водой; шагнешь – и нога проваливается выше колен. По совету Леонтия, палками, на которых сделали метку на высоте наших сапог, предварительно разведывали свой путь. Усилился пролет гусей, уток и лебедей. На озерах появились чирки, в лесу – вальдшнепы. А один раз, перед вечером, мы уже были на кордоне, Леонтий открыл дверь и крикнул нам:

– Идите скорее! Журавли летят!

Мы выскочили – кто в чем был. Смотрим, действительно, летит треугольником стая на большой высоте, но протяжно курлыкающий и какой-то грустный слегка звук можно было явственно услышать. Стая летела на юго-восток и вскоре скрылась в уже темнеющей половине неба.

На вторую неделю нашей здешней жизни весна решила выпустить в свою затянувшуюся игру с зимой главный козырь. Резко потеплело, всю ночь шел дождь при теплом южном ветре. Руслу Дона и Воронежа покрылись поверх снега водой, но синеватый лед такого своеволья родной стихии не потерпел и вздулся, оголенный и изборожденный трещинами. Ходить по нему было небезопасно. Фронт нашей работы сузился. Мы как бы выхватывали то на снегу, еще уцелевшем кое-где, то на льду ту или иную станцию, стремясь их все же описать. А еще дня через два мы проснулись утром от грохота. Леонтий сказал, что пошла низовая донская вода и залила всю пойму, ломает теперь лед на обоих руслах. Одевшись и выйдя на берег, мы мало что увидели: стоял непроницаемый туман, и лишь внизу можно было видеть тропинку, спускавшуюся к стволам деревьев, на сажень и более покрытых водой – мутной, пенистой, с небольшими плавающими кусками грязных льдин, кружившихся на одном месте. Тут же, у уреза воды, скопилась шевелящаяся масса разной растительной ветоши, успевшей уже выбраться на берег и образовать целую кайму, пополняемую каж-

дым ударом мелких волн. От тумана несло холодом, сыростью, слышались непонятные шорохи какой-то таинственной работы, невольно рождающей тревогу. Часа через два туман рассеялся, и вся грандиозная панорама Жировского леса, доселе блиставшая снежной белизной, теперь была покрыта серовато-мглистой пеленой взбаламученной водной стихии, беспокойной, волнуемой под действием пронизывающего ветра, различных по скорости и направлению широких водных струй, несущих и отдельные большие, как наш университетский плац, льдины, еще покрытые снегом, а то и целые смытые с берега копны сена, вымытые с корнем деревья, ошметки камыша с болот, какие-то ворота и даже деревянную баньку, снесенную из залитой половодьем деревни. Приглядевшись к льдинам, плывущим обособленно, можно было усмотреть, что их движение подчинялось двум противоположным по направлению медлительным, но мощным течениям – верховому воронежскому и низовому донскому, каждое из которых давало по бокам ближе к берегам свои противотечения. Поскольку встреча двух противоположных потоков всегда рождает на стыке коловращательное круговое течение, многие льдины сравнительно быстро вращались. Посмотришь, сначала льдина вращается по часовой стрелке, затем останавливается, как бы задумывается, и начинает кружиться в противоположную сторону. Поэтому, несмотря на редкость льдин, время от времени они сталкивались друг с другом, показывая как будто свой лихой нрав. Часами можно было смотреть на эту полную жизни картину, но надо было и программу выполнять. Быстро вернулись домой, и я разыскал оставленную профессором скопированную на кальку схему поймы в районе Жирова. Вдвоем с Васей вытащили мы столик и пару стульев, поставили их на самое высокое и открытое место, расстелили на столе схему, совместив с помощью компаса направление схемы с направлением самой поймы в натуре. Следя за льдинами в бинокль, Вася определял направление течения в том или

ином месте, а я отмечал его стрелкой на схеме. Вскоре выяснилось, что получается точнее, когда каждый из нас смотрит и в бинокль и в трубу, да еще и поспорит друг с другом. Словом, семь раз отмерь, один раз отрежь. Далее программа требовала более серьезного описания самих течений и их противотоков, для чего надо было отправляться на саму пойму.

На следующий день погода была более ясной, но продолжал дуть довольно свежий ветер. Мы добыли две лодки. Одна была обыкновенной двухместной плоскодонкой, вторую, узкую и длинную, выдолбленную из цельного ствола дуба, потемневшую от времени, хотелось бы назвать старинным рыбацким челном. Обе лодки приводились в движение одним большим веслом с кормы – на мелком месте толканием в дно, а на глубине загребанием назад и в сторону. Каждая из лодок имела свои достоинства и недостатки. Плоскодонка была тихходна, зато устойчива в работе и при переходах в ней с места на место. Челн шел быстро, но при неосторожном движении легко мог перевернуться вверх дном, а уж поменяться местами в нем была целая проблема. При движении на мелководье у берега Вася предпочитал плоскодонку, а в дальний поход на ширину поймы – челн, где его порядочно покачивало волнами, заставляя сжиматься мое сердце; непривычен я был к водной стихии, не рыбачил и купаться в реке начал поздно, с 15 лет, – не разрешали родители, потерявшие сына (моего старшего брата), утонувшего в нашей елецкой Сосне. Все же виду я не показывал и взял на себя всю дальнейшую работу. Это отвлекало и успокаивало. Прежде всего начал измерять скорость течения тахометром, температуру воды особым термометром, опускаемым с помощью шнура на определенную глубину, и прозрачность, а также цвет воды с помощью белого диска, погружаемого в воду. Все это повторялось в разных местах поймы, в струях и потоках разного направления. Особое внимание уделялось переносу вешними водами наземных животных, чаще всего разных

насекомых, плывущих по поверхности. Их я собирал с помощью сачка и, поместив в пробирку или баночку вместе с этикеткой, опускал в большую банку с фиксатором. Аналогичным образом, идя по берегу, ворошили кайму ветоши, извлекая из нее все живое. Любопытно было наблюдать крупных водяных полевок или водяных крыс, спасавшихся от мощных потоков на любом возвышении над водой, на скоплениях мертвого тростника и камыша, на наклонных стволах и ветвях полузатопленных деревьев – иногда до десятка и более плотно сомкнувшихся особей, представлявших довольно жалкую картину. В подобной ситуации было отмечено несколько выхухолей. Когда мы подошли к гребню поймы, появились небольшие островки величиной, пожалуй, с деревенский двор, омываемые со всех сторон потоками. Тут можно было встретить целый мирок спасающихся мышей, полевок, землероек, иногда и ежей. А один раз среди темных ветвей мелькнула рыжая спина лисицы. Вася быстро схватил рыбацкий подсак на длинной палке, задумав ее поймать, но куда там, лису не проведешь: как молния сверкнула она на темном фоне кустарника – то в одном месте, то сразу в другом, противоположном, и в общем ничего не вышло. А еще на совсем крошечном островке заметили приникшего к земле среди кустов зайца-русака, уши которого были прижаты к бокам и часто-часто дрожали. Вася схватил его руками и положил в мешок на дно лодки. Когда на обратном пути мы выбрали место, где бы закусить, Вася завел разговор, что неплохо бы зажарить нашего зайца на костре. Хотя я ни разу на кушал зайчатины и было бы любопытно ее попробовать, все-таки задумался: как же так, дед Мазай у Некрасова отпускал зайцев на волю, да еще целую ватагу, а мы и одного отпустить не можем. Не без некоторых препирательств, но Вася уступил мне – как-никак я был старшим по науке. Когда нос лодки ткнулся в берег, я с радостью выпрыгнул с мешком и, отойдя на несколько шагов, выпустил зайца, который сначала опешил и

Среди снегов и вод весенних

прижался к земле, дрожа ушами, но потом вскочил и быстро запрыгал по направлению к сосняку, где и скрылся.

Наконец настало время, когда мы должны были подвести итоги и составить отчет по экспедиции, чем я и занялся. Вася же в это время предался своей рыболовной страсти, в чем вполне преуспел, заготовив для своих домашних соленых сазанов и сомятины.

Эти последние дни были солнечными и теплыми; всюду журчали ручьи, стекавшие с террасы в пойму. Я выкраивал пару часов в день и обследовал большие зеленеющие проталины посередине Киселевской и Жировской полян, чего мне, казалось, не хватало в отчете. На этот раз я действовал в одиночку и, то ли шумы лесные лучше улавливались, то ли вообще за эти теплые дни они возросли многократно, но мне пришли на память некрасовские отроки: “Идет-гудет Зеленый Шум, Зеленый Шум, весенний шум!”

Накануне отъезда вечером Серафима Тихоновна угостила нас румяной кулебякой с сомятиной, положила нам и в дорогу. Рано утром уже на телеге приехал Трофим Петрович. С большим трудом по распутью добрались до Воронежа, завезли багаж на кафедру. Был долгий разговор с профессором, как видно, до-

вольным нашим устным пока отчетом. У меня же в ближайшие два-три дня при отходе ко сну перед смыкавшимися глазами возникал незабываемый широкий окаем, то заполненный ослепительно белым снегом, то непокорной и волнующейся на ветру водной стихией, несущей и закручивающей в разные стороны величавый хоровод огромных льдин. Одна за одной в меркнувшем сознании проплывали картины летящих журавлей, гусей и уток или вспорох тетерева, метание лисицы на острове, а то и запутанные строки следов на снегу и многое другое, виденное и испытанное впервые. Много раз потом довелось мне видеть красоту Жировского леса, но все это было в цветущую зеленую пору, а вот в пору первых шагов весны и в половодье видеть уже не пришлось, да и другому кому теперь уже не придется. Уже несколько лет, как кончились могучие разливы Дона и Воронежа, не откладывается здесь живительный ил на лугах и полянах Жировского леса, не освежаются озера донской водой. Увы, на всем видны следы неразумного хозяйничанья, да и величавый тополь-патриарх, символ плодородия поймы, кем-то и по какому-то случаю был спилен, а Жировская и Киселевские поляны распаханы под картошку.

1993 г.